УДК 82-94

DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-95-103

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ О РУССКИХ ПОДВИЖНИКАХ Е. ПОСЕЛЯНИНА

Е. К. Макаренко

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Известный в дореволюционной России публицист и духовный писатель Евгений Поселянин (настоящая фамилия Погожев), пройдя путь сомнений в вере и получив духовное возрождение в Оптиной Пустыни, стал участником развернувшейся между интеллигенцией и представителями Русской Православной Церкви дискуссии начала XX в. Церковность эстетического сознания Е. Поселянина определила основную задачу всего его творчества, заключающуюся в воспроизведении и передаче духовного мира Русского Православия.

Цель. Творчество известного духовного писателя и публициста конца XIX – начала XX в. Евгения Николаевича Поселянина, совершенно забытое на несколько десятилетий советской эпохи, требует реабилитации и серьезного научного исследования.

Материал и методы. Исследуется сборник жизнеописаний Е. Поселянина «Русские подвижники 19-го века» (1900 г.). Работа написана в русле исторической поэтики.

Результаты и обсуждение. В литературной деятельности Поселянина отразились важнейшие духовно-культурные искания его современников и художественно-эстетические тенденции конца XIX – начала XX в. Религиозное возрождение начала XX в. привело к сдвигу границ внутри русской культуры, при котором произошло сближение и взаимовлияние богословия, философии, науки с художественной литературой, что отразилось на трансформации традиционных художественно-эстетических форм. В творчестве Е. Поселянина можно проследить, как церковные темы и православное содержание облекаются в характерные для светской литературы и отходящие от строгих жанровых канонов литературные формы, которые становятся более пластичными жанровыми образованиями, открытыми для выражения и передачи современным человеком опыта духовной жизни.

Заключение. Книга Е. Поселянина «Русские подвижники 19-го века» представляет собой документ русской духовной жизни XVIII–XIX столетий. В этом сборнике биографических очерков традиционализм жизнеописания святого размывается жанровыми новациями: включением структурных элементов из других художественных и публицистических церковных жанров (патерики, проповеди, церковная история) и популярной в светской литературе беллетризованной мемуарно-биографической прозы.

Ключевые слова: жанр, жизнеописание, биографический очерк, мемуары, жития, литературный портрет.

Введение

Евгений Николаевич Погожев родился в 1870 г. в Москве в зажиточной дворянской семье. Переживший в юности характерное для молодежи конца XIX в. влияние позитивизма и недоверия к современной церкви, он после встречи в Оптиной Пустыни с известным старцем Амвросием Оптинским стал его духовным сыном. С тех пор православие стало тем синтезирующим началом, которое определило жизненный и творческий путь Поселянина. По благословению оптинского старца Евгений Поселянин стал писать «в защиту веры, Церкви и народности».

Необходимо отметить, что судьба Поселянина достаточно репрезентативна для дворянско-разночинной интеллигенции второй половины XIX в., потерявшей доверие к «национально-поместной» (Н. Бердяев), «исторической церкви», усомнившейся в «историческом христианстве» и пришедшей / возвратившейся в лоно Православной Церкви через трудный, тернистый путь сомнений и

поисков истины во многом благодаря знакомству с тогдашним центром духовной жизни в России – Оптиной Пустынью. Как известно, с 1840-х гг. в Оптину Пустынь приезжали многие писатели: «здесь сошлись пути Ивана Киреевского, Гоголя, Достоевского, Льва Толстого, Леонтьева. Их близость к Оптиной равно много говорит и о значении пустыни в русской жизни, и об умонастроениях приходящих в нее писателей. Отношения с пустыней складывались различно, но неизменно сильным, из глубины личности исходящим было тяготение к ней» [1, с. 3].

Не избежал Поселянин увлечения модными в начале XX в. идеями христианского социализма, представлявшего собой стремление сочетать социальные теории (частично основанные на марксизме) с христианством.

Поселянин был вовлечен в активную духовную и культурную жизнь Москвы и Петербурга рубежа веков. Он глубоко интересовался литературой¹ (на-

¹ Необходимо указать на такой факт биографии Поселянина, показывающий близкое знакомство его со столичной филологической научной средой: в 1904 г. он женился на Н. Я. Грот, дочери известного российского филолога, академика Я. К. Грота, который был вице-президентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

писал уже на 1-м курсе статью о поэте А. Н. Майкове, ценил поэзию А. К. Толстого, а в последние годы погрузился в изучение жизни и творчества А. С. Пушкина и опубликовал исследование «Отравленный Пушкин») и живописью (особенно ценил художников В. М. Васнецова и М. В. Нестерова). Первыми его литературными опытами были публикация «Перед годовщиной 17 октября в Москве»¹ (1889 г.), книги «Ясные дни» и «Повесть о том, как чудом Божиим строилась Русская земля» (1892). Молодого писателя поддержал покровительствующий многим русским поэтам, композиторам и художникам великий князь Константин Константинович Романов, известный под псевдонимом К. Р.

Е. Поселянин дружил с философами П. Е. Астафьевым, К. Н. Леонтьевым² [2, с. 67], некоторое время (1903–1911 гг.) общался и переписывался с В. В. Розановым³, отметившим его «замечательную деятельность».

Книги Е. Поселянина в начале XX в., посвященные теме православной России, выходили огромными тиражами. Он был талантливым популяризатором-апологетом, стремившимся познакомить современников с житиями знаменитых подвижников⁴. Для сбора материала писатель сам очень много ездил по святым местам России. Немало страниц Поселянин посвятил чтимым на Руси иконам, отечественной церковной истории, православным святыням. Современный писатель и историк русской литературы Александр Стрижев отмечает торжественность и изящество слога письма Поселянина: «...его словарь богат и свеж, а стилизация выразительность письма неповторима – проза и поэзия сливаются в мерном слоге» [3].

С конца XIX в. Е. Поселянин постоянно публиковал свои статьи и очерки во многих известных духовных периодических изданиях, таких как «Русский паломник», «Миссионерское обозрение», «Церковные ведомости», «Странник», «Светильник», а также в светских – «Московские ведомости», «Новое время» и др.

После революционных событий 1917 г. духовный писатель и публицист был обречен на молча-

ние и нигде не публиковался. Дважды был арестован и в 1931 г. по обвинению в «деле Преображенского собора» расстрелян.

Материал и методы

Исследуется сборник жизнеописаний Е. Поселянина «Русские подвижники 19-го века» (1900 г.). Работа написана в русле исторической поэтики.

Результаты и обсуждение

Творчество Е. Поселянина вписано в летопись сложной в ценностно-мировоззренческом и художественно-эстетическом планах русской литературы рубежа веков.

Конец XIX – начало XX в. в России характеризовался острым ощущением кризиса и кардинальной ломки традиционной системы ценностей. Этот период российской жизни «ознаменовал собой не просто важнейший этап перестройки аксиологической шкалы искусства, сопряженной с кризисом канона и базовых предпосылок классической эстетики. Он сопровождал собой крушение целой цивилизационной модели (“исторической России”) и ее замену моделью принципиально иной» [4, с. 10]. В сложную эпоху исторического перелома, изменения «чувства жизни», «душевного сдвига», по замечанию Г. Флоровского, «религиозная потребность вновь пробуждается в русском обществе. Религиозная тема становится теперь как тема жизни, не только как тема мысли» [5, с. 452]. Н. Бердяев объявляет «о культурном ренессансе», «о новой культуре, построенной на мистических, религиозных началах» [6, с. 287–288]. Как знаки времени в начале XX в. распространяются религиозно-философские собрания в северной столице и Москве, постоянным участником которых был и Е. Поселянин.

Известным фактом духовной жизни начала века стали организованные в Петербурге 1901–1903 гг. собрания представителей православного духовенства и светской интеллигенции для обсуждения вопросов религиозной, культурной и общественной жизни. Среди видных деятелей тех Собраний можно назвать Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанова. Посетителями со-

¹ Дата крушения царского поезда в Борках, когда чудом спаслись император Александр III и его семья.

² К. Н. Леонтьев упоминает о нем в письме к А. Александрову от 6 августа 1889 г.: «Рекомендую Вам, милый поэт мой, еще одного, тоже весьма милого, юношу и совсем почти готового единомышленника: Евгения Николаевича Погожева. Он напечатал в „Московских ведомостях“ и издал особой брошюрой рассказ о своем богомолье к преподобному Сергию. Много религиозного чувства и поэзии. У него вообще много энергии и способностей. Помогите ему Бог не сбиваться с доброго пути!» [2, с. 67].

³ В архивном фонде Розанова (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. 576) сохранились письма Поселянина.

⁴ Е. Поселянин потрудился, главным образом, в агиографическом жанре, посвятив большую часть своего литературного творчества жизнеописаниям святых угодников и подвижников благочестия: «Пустыня. Очерки из жизни древних подвижников», «Собор московских чудотворцев», «Святыни земли Русской. С описанием жизни и подвигов святых и знаменитых, бывших от чудотворных икон», «Преподобный Серафим Саровский чудотворец», «Русские праведники последних времен», «Святая юность. Рассказы о святых детях и о детстве и отрочестве святых», «Под благодатным небом. Один за всех (о преп. Сергии Радонежском)», «Старец Амвросий. Праведник нашего времени» и др.

браний были многие представители литературной и художественной элиты, такие как И. Е. Репин, А. Н. Бенуа, В. Л. Брюсов, Л. С. Бакст, С. П. Дягилев, М. Волошин, П. Флоренский и др. Но «железный занавес между обоими лагерями» (З. Гиппиус) не был преодолен: «...моральное, аскетическое и догматическое толкование христианства, как оно было представлено на Религиозно-философских собраниях большей частью духовенства, интеллигенция воспринимала как „церковный позитивизм“, непосредственно связывала его с мировоззренческим позитивизмом, традиционным для русской интеллигенции, и решительно осуждала его» [7, с. 186]. Отклик на религиозно-философские собрания был как в среде столичной интеллигенции (Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosoфов, Н. М. Минский, В. В. Розанов основали в 1903 г. журнал «Новый путь», в котором публиковались протоколы этих собраний и на страницах которого продолжались вестись дискуссии с духовенством), так и среди монархистов и защитников Православной Церкви. Духовный писатель и публицист М. А. Новоселов с единомышленниками взялись за дело миссионерства и просвещения и в 1902 г. приступили к изданию под общим заглавием «Религиозно-философская библиотека» ряда брошюр и книг (которых вышло количеством 39), а также листков «Религиозно-философской библиотеки», посвященных религиозным вопросам. В это дискуссионное поле погрузился и Е. Поселянин, защищавший Церковь от «диких, безумных нападок», ставя себе задачу духовного просвещения своих разуверившихся в традиционном христианстве современников. Он с горечью писал о состоянии тогдашней русской интеллигенции: «Религиозные интересы вовсе изгнаны из быта интеллигенции... И если б отношение общества к религии было только индифферентизмом! Нет! в нем прямая враждебность» [8]. Утраченная образованной частью русской интеллигенции вера, по глубокому убеждению писателя, еще жива и ценится простым русским народом.

Вместе с профессором А. И. Введенским, епископом Вологодским Никоном (Рождественским), В. А. Грингмутом, М. А. Новоселовым Поселянин был постоянным участником религиозных собраний у известного теоретика монархизма и редактора «Московских ведомостей» Л. А. Тихомирова. Посещал он в 1909–1910 гг. также и петербургское Религиозно-философское общество, в котором преобладали либеральные взгляды на исторический путь России. Свои убеждения он выражал не только как публицист, но и как писатель, описывая жизнь и подвиги древних и современных ему подвижников. Создавая образы святых людей, обладающих внутренней цельностью и сияющих духов-

ной красотой, Е. Поселянин показывал «открытие путей исхода из духовного кризиса, ныне переживаемого русской интеллигенцией» [9, с. 9], отвечал на тревоживший русскую культуру вопрос о человеке, смысле и правильном устроении жизни.

Но писать о Церкви и о святых для светского адресата требовалось уже иначе, чем это было ранее. Во-первых, это было вызвано необходимостью говорить с читателем доступным и понятным для него языком. Светская интеллигенция плохо воспринимала не только догматы православного богословия, аскетические идеалы, но и церковно-религиозный стиль речи. Как пишет В. В. Полонский, на религиозно-философских собраниях «постепенно выявилась неспособность обеих сторон – но прежде всего интеллигенции – воспринимать даже сам язык своих оппонентов» [4, с. 67].

Во-вторых, Е. Поселянин начал писать в период, когда «границы между профессиональной философией, богословием, гуманитарной наукой, с одной стороны, и литературным трудом – с другой, с очевидностью размываются» [4, с. 55]. Философия и богословие начинают усваивать себе стилистику художественного слова, а литература старается философствовать и постепенно воздействовать на словесную организацию языковых сторон церковной жизни. Поселянин, прекрасно владея церковно-религиозным стилем, умел доступно излагать сложные богословские понятия, «психологически красочно живописать стародавние события и создавать в импрессионистской манере запоминающиеся портреты своих героев» [8]. Его богатую стилевую палитру составляют фразы, написанные высоким торжественным стилем (в котором встречаются не только церковнославянизмы, но и русские словосочетания возвышенного семантического значения), в сочетании с выработанной русской классической литературой XIX в. художественной речью. Нередко можно увидеть вкрапления разговорной лексики, бытовых слов и выражений, просторечий, вводимых, как правило, в текст диалогов.

Анализ произведений Е. Поселянина «очень важен для уяснения как различий, так и совпадений между светским искусством и церковной культурой» [10, с. 57]. Как замечает Е. Бухаркин, «совершенно очевидна важность данных проблем для изучения диалога между Церковью и литературой как двумя разными, но отчасти пересекающимися системами: культурной и духовной» [10, с. 57–58].

Процесс сближения светской литературы и церковной культуры привел к видоизменению традиционных художественно-эстетических форм, вбирающих в себя разные жанровые элементы и стилевые традиции [11, с. 14], принципы построения композиции и конструирования образной системы.

Это стало одним из факторов, повлиявших на тенденцию к межжанровому синтезу, к возникновению жанровых трансформаций.

Наиболее показательным в плане синтеза церковных и светских жанрово-стилевых традиций является написанная Е. Поселяниным книга «Русские подвижники 19-го века» (первое издание 1900 г.) [12]. В ней собраны жизнеописания от таких широко прославленных святых, как преподобный Серафим Саровский, митрополит Московский Филарет (Дроздов), оптинские старцы Макарий и Амвросий, до менее известных – Задонского юродивого Антония Алексеевича и схимонаха Амфилохия, восстановителя Реконской пустыни. Сочинение содержит 45 жизнеописаний с 50 портретами и видами, и в дореволюционной России оно выдержало несколько изданий.

В этих жизнеописаниях можно заметить сплав агиографической традиции со светскими мемуарно-биографическими жанрами.

Нужно отметить, что в начале XX в. «характерной чертой эпохи становится завоевание биографией едва ли не господствующего места в литературе. Биография распадается на множество совершенно новых жанровых модификаций, каждая из которых обладает самостоятельной формально-тематической структурой» [4, с. 151]. Популярность завоевывают жанры беллетризованной биографии (Ю. Тынянов, В. Вересаев, О. Форш, М. Булгаков, Б. Зайцев) и литературного портрета. В. С. Барахов выделяет четыре типа литературного портрета¹ [13, с. 7–8], среди которых такая его разновидность, как относящийся к жанру критики «творческий портрет» [13, с. 7–8]), встречается в биографических очерках о подвижниках Е. Поселянина. Для этого жанра было характерно «исследование творческого своеобразия писателя, обнаружение его „творческого лица“, художественно-целостное изображение живой писательской индивидуальности во всей неповторимости его „лица“, мышления, языка...» [14]. Интерес Е. Поселянина к изучению русской литературы и обращение к жанрам литературной биографии и литературного портрета обна-

ружились еще во время его учебы в университете и продолжались на протяжении всей жизни.

В жизнеописаниях сборника от традиционного жанра жития заимствована тема – описание праведной жизни подвижника, «его пути ко спасению» [15], которое сопровождается изображением аскетических подвигов, указанием на прижизненные и посмертные чудеса. Из других церковных жанров видна также традиция древних патериков и прологов, когда описывается один или несколько ярких и показательных эпизодов из жизни святого. Кроме этого, можно отметить влияние жанров церковной проповеди и церковной истории. С церковной историей России Поселянин был не только хорошо знаком, но и написал в этом жанре свои «Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке».

При этом его жизнеописания по краткости, описанию и анализу реальных фактов и явлений, а также свободе изложения, беллетризации повествования, субъективной направленности в передаче и оценке живших недавно подвижников тяготеют к жанру биографического очерка², о чем автор сам проговаривается: «Этот небольшой очерк, представляющий собою скорее передачу личных впечатлений от знакомства с великим старцем Амвросием, чем описание его жизни...» [12, с. 554]. Влияние мемуарно-биографических жанров видно в усилении личностного взгляда, субъективной оценки автора в описании подвижника, в активном авторском комментировании событий, выраженном авторском переживании за тех, кого он описывает³ [16, с. 65] («Смешными покажутся мнения о сухости Филарета тем, кто читал его письма. Можно ли заботливее, теплее относиться к знакомым, чем относился Филарет...» [12, с. 26]). Наиболее сближаются с мемуарной литературой те биографические очерки, в которых автор повествует о жизни знакомого ему лично подвижника. Так, в основу повествования об Амвросии Оптинском легли личные впечатления автора и его воспоминания, что проявилось в приемах *интимизации* повествования.

¹ Типология В. С. Барахова: «1) литературный портрет как жанр мемуарно-биографической литературы (особый раздел мемуарной литературы образуют воспоминания писателей о писателях); 2) литературный портрет как документально-биографическое повествование о давно умершем историческом деятеле, основанное на использовании всякого рода документов (письма, свидетельства современников и т. д.); 3) литературный портрет как жанр критики (нередко под названием „творческий портрет“); 4) литературный портрет как жанр научно-монографического исследования о творчестве известного деятеля литературы, театра, живописи и т. д.» [13, с. 7–8]. При этом исследователь указывает на «всеобщность» этого жанра: «...из предлагаемой классификации видно, насколько широки рамки литературного портрета, не являющегося привилегией какой-то области творческой деятельности, ибо к нему обращаются не только писатели, но и критики, литературоведы, искусствоведы, историки» [13, с. 8].

² Уже во второй половине XIX в. русские писатели (например, А. И. Герцен в «Былом и думах» или И. С. Тургенев в своих «Литературных и житейских воспоминаниях» и др.), описывая и характеризуя какую-либо знакомую им личность, использовали форму мемуарного очерка, обозначая его как «очерк характера» (Герцен), «очерк лица» (Тургенев) и т. п. [13, с. 10].

³ По замечанию Л. Гинзбург, «в произведениях мемуарного, автобиографического жанра особенно важное значение имеет принцип выражения авторского сознания» [16, с. 65].

Открывается сборник жизнеописаний обращением автора-составителя к читателю. Включенность Е. Поселянина в назревшую в конце XIX в. трагическую ситуацию разобщения светской интеллигенции с Церковью, стремление своим трудом убедить и укрепить их в «мысли, что все та же веет над миром сила Христова, и те же дивные дары посылает Бог тем, кто искренно за Ним идет» [12, с. 5], обусловило выраженную полемичность его вступления к сборнику жизнеописаний. Начинает автор с критики сомневающейся в «исторической церкви» части общества: «Сколько диких, безумных нападок было за последнее время производимо на православную Церковь! И даже у лиц, привязанных к Ней сыновней любовью, невольно слагался вопрос, таково ли Ее воздействие, как в прошлые века, все так же ли Она спасает людей и вырабатывает в лучших из них тот высокий строй жизни, который принято называть святостью» [12, с. 5]. Ответом на эти сомнения и вопросы стала книга, в которой лики подвижников прошлого века выстраивались в галерею, призванную обнаружить живой, богатый духовный мир Русского Православия. Поселянин часто использует характерные для церковной ораторской прозы риторические приемы, среди которых встречаются диалогизация речи, риторические вопросы и восклицания, яркие, эмоциональные эпитеты и образные сравнения.

Авторская модальность вступления, выраженная полемичность текста, эмоционально-экспрессивный стиль повествования, *экспликация собственно авторского субъективного начала*, возвышенная патетика приближают его вступление к жанру церковной апологетической проповеди.

В жизнеописаниях документальный материал располагается достаточно свободно, можно отметить нестрогую композицию, что стало характерным для биографических, мемуарных, литературно-критических жанров начала века. Это было обусловлено происходившими в литературе общими процессами лиризации и субъективизации текста, являвшимися «во многом результатом проникновения импрессионизма, который нередко стал формировать стиль, „организовывать“ мышление...»¹ [14]. Характерное для житий описание в хронологической последовательности основных событий в биографии святого в очерках Поселянина перемежается с подробным описанием портрета подвижника и пространными рассуждениями об их добродетелях («А могло быть так потому, что свое собственное существо отец Амвросий позабыл, оставил, страхнул с себя, отрекся от него и на место этого изгнанного „я“ поставил своего ближнего и перенес на него, но в сильнейшей степени, всю ту неж-

ность, которую люди тратят на себя» [12, с. 528]), выдержанных в тургеневской стилистике лирическими пейзажами («А бесстрастный сосновый бор поднял высоко свои вершины и замер в созерцании неба и его тайн. И если взглянуть туда, где столько безграничного простора, откуда на весь мир льются животворные лучи, станет понятно, куда идти, к чему стремиться» [12, с. 544]). Нередко встречаются авторские критические оценки духовно-нравственного состояния современного общества (в жизнеописании Амвросия Оптинского: «Среди общей холодности и равнодушия, при совершенном нежелании людей видеть и чувствовать дальше собственного существа, многим трудно живется. Нужен человек, к которому бы можно было сносить все, что волнуется в душе, которому бы без утайки можно было открыть все думы и надежды, доверить всякую тайну, чтоб стало легче и счастливее» [12, с. 526–527]).

В жизнеописаниях подвижников Е. Поселянин подробно знакомит читателей с церковной историей прошлых веков (в жизнеописании митрополита Филарета (Дроздова): «Первые десятилетия нашего столетия – тяжелая эпоха в летописи нашей Церкви. Начавшееся с начала 18-го века невиданное дотоле отношение ко многим проявлениям церковной жизни, пагубное влияние идей, шедших с Запада, который находился тогда на высшей точке духовной растерянности, резкая перемена в положении монастырей, случившаяся при Екатерине II...» [12, с. 22]). Творческой манере Поселянина присущ выработанный русской прозой второй половины XIX в. психологизм, который исходит из стремления писателя понять и объяснить читателю внутренние мотивы поступков человека. Например, в жизнеописании епископа Феофана высказано следующее наблюдение: «Грубое прикосновение жизни, несоответствие запросов их души с окружающею их действительностью обособляет их от толпы, замыкает их в их внутреннем прекрасном мире, и из этого мира они творят на отраду и утешение мятущемуся человечеству бессмертные, вечные создания; писатели и художники – дивные произведения искусства; ученые – отысканную ими научную истину; святые – непреходящие, озаренные нездешнею красотой дела высочайшего, безусловного добра, воплощение в себе евангельской правды» [12, с. 92–93].

В биографических очерках заметно влияние патериковой и проложной литературы из-за включения в общее повествование ярких эпизодов из жизни подвижника. Причем можно отметить простоту в передаче материала, внимание к деталям быта, мягкий юмор, воспроизведение в подробностях

¹ «К импрессионистическому способу мышления прибавилось и влияние разнообразных философско-эстетических концепций, что переводило рассуждения критиков в эссеистский план. Значительным оказывалось и воздействие *беллетризации*» [14].

диалогов участников событий, использование разговорной и просторечной лексики. Вот пример такой миниатюры-зарисовки, показывающей безграничное милосердие старца Амвросия: «Батюшка возится у себя на постели и ищет денег, проситель настаивает, чтобы дали сейчас же. Батюшка зовет келейника: „Посмотри-ка где-нибудь, у нас рубль где-то остался, поищи – просят“. – „Кабы вы не велели вчера еще отдать, так бы точно оставался, а теперь ничего нет. Вот, все раздаете, а рабочие жалованья просят – чем платить будем?“ Батюшка, чтоб утешить келейника, делал вид, что раскаивается и сокрушенно качал головой. Рубль где-нибудь разыскивали, а вскоре в Козельскую почтовую контору на имя иеросхимонаха Амвросия приходила крупная повестка, платили рабочим и по всем концам чрез ту же контору рассылали помощь нуждающимся» [12, с. 541]. Из жизни святого описан эпизод, который, несмотря на его будничность и повседневный характер, повествует о чудесном событии.

В жизнеописаниях выдающихся проповедников и церковных писателей видно влияние жанра литературного портрета в обращении Поселянина как к биографическим фактам, так и к их творчеству. Например, очерк о митрополите Филарете Московском в композиционном плане строится как литературный портрет, который часто начинался с тезиса, обобщающего роль и значение портретируемого в литературе, а затем раскрывался на биографическом материале¹ («Имя Филарета, митрополита Московского, занимает особое место в истории русской Церкви последнего века» [12, с. 7]). Автор подчеркиваются выдающиеся литературные способности митрополита, который назван в очерке «поэтом»: «Не богослов только, не возгласитель церковного учения слышится в этих проповедях, а поэт, действующий на сердце человека образами, писанными удивительно яркими красками» [12, с. 9]. Поселянин приводит фрагменты из проповедей митрополита, давая оценку как их духовному содержанию, так и совершенной литературной форме: «Какая сила и поэзия, например, в первых словах слова в великий пяток перед плащаницей: „Чего ждете вы ныне, слушатели, от служителя Слова? Нет более Слова!“ Или вот дивная, нарисованная им картина первоначальной обители преп. Сергия... Прерывающимся от волнения голосом развертывал тогда великий проповедник в своем слове эту картину, и плакали слушатели...» [12, с. 9]. Передавая сильное воздействие слов московского митрополита на слушателей, Поселянин, как бы «заражаясь» поэтическим духом проповедей, сам становится поэтом. Его эмоциональные им-

прессионистические описания проникнуты лиризмом, художественная образность соединяется с торжественной патетикой. В жизнеописание митрополита Филарета поэтическую струю вносит также включение известного всем его поэтического диалога с А. С. Пушкиным: «То обаятельное впечатление, какое оказывал митрополит Филарет на современников, нашло себе прекрасное выражение в известном стихотворении Пушкина „Стансы“» [12, с. 13].

Создавая духовные портреты подвижников XIX в., Поселянин в соответствии с агиографической традицией описывает их аскетические подвиги и перечисляет христианские добродетели (например, о епископе Феофане: «Беззаветная сердечная доброта, голубиная кротость, доверчивость к людям и снисходительность» [12, с. 93]), вводит вызывающую умиление чувствительность повествования, панегиризм и принцип уподобления [17, с. 58] («Он был для русской Церкви этого времени тем же, чем были для молодой возраставшей Церкви первых веков те великие епископы, которым присвоено название „Отцов Церкви“» [12, с. 7]). При этом составитель жизнеописаний исходит не столько из установки подчинить образ портретируемого набору топосов и свойств героя, определенных заранее требованиями жанра жития, сколько из стремления следовать живому характеру и показать его индивидуальные черты личности. Например, описывая характер юного Александра Гренкова, будущего старца Амвросия Оптинского, он передает далекий от канонического образ веселого и бойкого мальчика: «Мальчик отличался необычайной живостью нрава и сметливостью» [12, с. 523]. Светский аспект в его жизнеописании вносит указание на такие «интеллектуальные» способности подвижников, как сильный, строгий, точный ум, смелость и глубина мысли, логика, умение владеть словом, развитое воображение. Перечисляя аскетические труды и подвиги Серафима Саровского, автор считает нужным передать мнение образованных людей, которые называли подвижника «гениальным человеком», видели в нем «ясный, меткий, широкий, основательный ум; счастливую память и живое, творческое воображение» [12, с. 286]. В этом заключается двуадресная направленность автора, ориентированность как на воцерковленного, так и на светского читателя, для которого важно было увидеть не только духовное, нравственное, но и интеллектуальное превосходство подвижников, совсем недавно живших и воплощавших собою духовную жизнь современной Церкви.

Портреты подвижников Поселянин строит по принципу выявления черт, доминирующих в их ду-

¹ «Нередко такой принцип рассмотрения прочитывался уже в заголовке („Куприн как выразитель эпохи“ (1906) Е. Колтоновской) и далее доказательству этой „тезы“ подчинялось весь дальнейший ход рассуждений. Выглядело это так: „Куприн – самый яркий из наших новых писателей“⁴², потому что... По сходному принципу строились литературные портреты В. Воровского...» [14].

ховном облике. Например, митрополит Филарет показан «величавым православным архиереем», давший современным христианам церковный кодекс. Другой подвижник, старец Амвросий Оптинский, – воплощение евангельской любви к ближним.

В описании внешнего портрета нужно отметить мастерство Поселянина, которому часто удается дать одновременно изображение и характеристику подвижника, выделяя и подчеркивая существенное в его облике. Нередко акцент перенесен с изобразительности и описательности на выразительность. Поселянин умел передать индивидуальные приметы подвижника с помощью запоминающихся деталей, которые способствуют зрительному восприятию образа. В качестве примера можно привести описание внешнего портрета Московского митрополита Филарета, построенного на характерной для агиографической литературы антитезе «немощное тело – сильный дух»: «Очень маленького роста, весь иссохший, он казался на вид слабеньким ребенком; но в этой маленькой фигуре было какое-то величие, поражавшее и державшее всех в некотором страхе. На лице, изможденном подвижничеством, с глубокой печатью постоянной упорной работы мысли, блистали чрезвычайно силою пронизательные живые глаза, взгляд которых трудно было вынести» [12, с. 15]. Наблюдается стремление выделить в портрете архиерея достоинства, предпочтительные как для светского адресата («глубокая печать упорной мысли»), так и традиционные для житийного жанра («изможденном подвижничеством»).

Важный тезис, который проходит красной нитью через многие его жизнеописания, является мысль о русском и народном характере подвижников. Например, в своем очерке о митрополите Московском Филарете Поселянин резюмирует, что «он был одним из тех великих явлений, которые точно дружным, в продолжение нескольких веков, напряжением всех сокровенных сил своих выставляет изредка русская жизнь, и выходят тогда из недоступных глазу тайников в красоте чрезвычайной эти удивительные олицетворения родной народности» [12, с. 28].

Заключение

Книга жизнеописаний Е. Поселянина «Подвижники 19-го века» вписывается в происходившие духовно-религиозные и художественно-эстетические процессы начала XX в., при которых «напряженное переживание религиозно-философских вопросов как „темы жизни“ приводит к сдвигам границ внутри русской культуры» [4, с. 55].

Это отразилось на трансформации традиционных жанровых структур и формировании новых стилевых тенденций. Сугубый традиционализм жизнеописания святого у Поселянина «подрывается» жанровыми новациями: включением структурных элементов других художественных и публицистических церковных жанров (патерики, проповеди, церковная история) и популярной в светской литературе беллетризованной мемуарно-биографической прозы. Обращение к широкому читательскому кругу, миссионерская задача повлиять на изменение общественного сознания определили публицистический характер его сборника жизнеописаний: субъективность, эмоциональность, диалогичность, выраженность авторского слова. Заимствованная из мемуарно-биографических жанров начала XX в. свободная, нестрогая композиция позволила Поселянину включать в хронологический ряд важных событий в жизни подвижника авторские комментарии и размышления, воспоминания, пейзажные зарисовки, давать характеристику социально-общественной и церковной обстановки. В жизнеописаниях представлен сплав церковно-религиозного, художественного и публицистического стилей, который сформировал своего рода универсальный, чрезвычайно богатый и образный язык, доступный для всех слоев населения, как для церковного, так и светского читателя.

Художественные решения Поселянина, выработанные им эстетические модели, созданные на основе синтеза церковных и светских литературных традиций новые жанровые образования получили развитие в церковной литературе XX–XXI вв. Достаточно вспомнить такие известные жизнеописания подвижников, как «Божии люди. Мои духовные встречи» митрополита Вениамина (Федченкова) [18] и «Несвятые святые» митрополита Тихона (Шевкунова) [19].

Список литературы

1. Котельников В. А. Оптина Пустынь и русская литература // Русская литература: историко-литературный журнал. 1989. № 3. 258 с.
2. Письма к Александрову. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1915. 130 с.
3. Стрижев А. Свидетель благочестия. Духовный писатель Евгений Поселянин. URL: <http://voskres.ru/literature/prose/srijev.htm> (дата обращения: 08.08.2020).
4. Полонский В. В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.
5. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. 452 с.

6. Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 г.). СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1907. 446 с.
7. История русской литературы: XX век: Серебряный век / под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. М.: Прогресс – Литера, 1995. 704 с.
8. Антонов В. В. Мученик Евгений – русский духовный писатель. Евгений Николаевич Погожев (Е. Поселянин). Биографический очерк. URL: <http://spb-eparh-vedomosti.ru/article.php?id=381> (дата обращения: 08.08.2020).
9. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции: сб. ст. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1910. Переиздано: 1998. 300 с.
10. Бухаркин П. Е. Православная Церковь и светская литература в Новое время: основные аспекты проблемы // Христианство и русская литература. Сборник второй. СПб.: Наука, 1996. 358 с.
11. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья (Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 37 с.
12. Поселянин [Погожев], Е. Н. Русские подвижники 19-го века: с портр. и рис. 3-е изд., знач. доп. СПб.: И. Л. Тузов, 1910. 568 с.
13. Барахов В. С. Искусство литературного портрета. М.: Наука, 1976. 183 с.
14. Михайлова М. В. Литературная критика: эволюция жанровых форм. URL: <https://rucont.ru/efd/13007> (дата обращения: 08.08.2020).
15. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Языки славянской культуры, 1994. 112 с.
16. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971. 464 с.
17. Грекова И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2014. 218 с.
18. Федченков Вениамин Митрополит. Божии люди. Мои духовные встречи. М.: Отчий дом, 1998. 415 с.
19. Митрополит Тихон (Шевкунов). Несвятые святые. Издание Псковско-Печерского монастыря, 2019. 640 с.

Макаренко Евгения Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: andre@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 27.10.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-95-103

GENRE SPECIFICITY OF BIOGRAPHICAL SKETCHES ABOUT RUSSIAN MOVEMENTS BY E. POSELYANIN

E. K. Makarenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. Evgeny Poselyanin, a well-known publicist and spiritual writer in pre-revolutionary Russia, having traveled the path of doubts in faith and received a spiritual revival in Optina Pustyn, became a participant in the discussion between the intelligentsia and representatives of the Russian Orthodox Church at the beginning of the 20th century. The ecclesiastical nature of E. Poselyanin's aesthetic consciousness determined the main task of all his work, which was to reproduce and transmit the spiritual world of Russian Orthodoxy.

Aim and objectives. The work of the famous spiritual writer and publicist of the late 19th – early 20th centuries. Evgeny Nikolaevich Poselyanin, completely forgotten for several decades of the Soviet era, requires «rehabilitation» and serious scientific research.

Material and methods. The article examines the collection of biographies of E. Poselyanin «Russian ascetics of the 19th century» (1900 edition). The research is written in the mainstream of historical poetics.

Results and discussion. Poselyanin's literary activity reflected the most important spiritual and cultural searches of his contemporaries and artistic and aesthetic tendencies of the late 19th – early 20th centuries. Religious revival of the early 20th century led to a shift in boundaries within Russian culture, during which there was a convergence and mutual influence of theology, philosophy, science with fiction, which was reflected in the transformation of traditional artistic and aesthetic forms. In the work of E. Poselyanin, one can trace how church themes and Orthodox content are clothed in literary forms characteristic of secular literature and departing from strict genre canons, which are becoming more plastic genre formations open for the expression and transmission of the experience of spiritual life by modern man.

Conclusion. The book by E. Poselyanin «Russian ascetics of the 19th century» is a document of Russian spiritual life in the 18th – 19th centuries. In this collection of biographical sketches, the traditionalism of the life of the saint is eroded by genre innovations: the inclusion of structural elements from other artistic and journalistic church genres (paterics, sermons, church history) and fictionalized, memoir and biographical prose popular in secular literature.

Keywords: *genre, biography, biographical sketch, memoirs, lives, literary portrait.*

References

1. Kotel'nikov V. A. Optina Pustyn' i russkaya literatura [Optina Pustyn and Russian Literature]. *Russkaya literatura: istoriko-literaturnyy zhurnal*, 1989, no. 3, 258 p. (in Russian).
2. Pis'ma k Aleksandrovu [Letters to Alexandrov]. Sergiev Posad: Printing house of the Holy Trinity Sergius Lavra Publ., 1915. 130 p. (in Russian).
3. Strizhev A. Svidetel' blagochestiya. Dukhovnyy pisatel' Yevgeniy Poselyanin [A witness to pie-ty. Spiritual writer Evgeny Poselyanin]. URL: <http://voskres.ru/literature/prose/srijev.htm> (accessed 8 August 2020) (in Russian).
4. Polonskiy V. V. Mezhdru traditsiyey i modernizmom. Russkaya literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriya, poetika, kontekst [Between tradition and modernism. Russian literature at the turn of the XIX–XX centuries: history, poetics, context]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 472 p. (in Russian).
5. Florovskiy G. V. Puti russkogo bogosloviya [The paths of Russian theology]. Kiev, Christian Charitable Association "Path to Truth", 1991. 452 p. (in Russian).
6. Berdyayev N. A. Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskoye, sotsial'nyye i literaturnyye (1900–1906 g.) [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments (1900–1906)]. Saint Petersburg, Izdaniye M. V. Pirozhkova Publ., 1907. 446 p. (in Russian).
7. Istoriya russkoy literatury: XX vek: Serebryanny vek [History of Russian Literature: XX century: Silver Age]. Ed. Georges Niva, Ilya Serman, Vittorio Strada and Efim Etkind. Moscow, Progress – Litera Publ., 1995. 704 p. (in Russian).
8. Antonov V. V. Muchenik Yevgeniy – russkiy dukhovnyy pisatel'. Yevgeniy Nikolayevich Pogozhev (Ye. Poselyanin). Biograficheskyy ocherk [Martyr Eugene is a Russian spiritual writer. Evgeny Nikolaevich Pogozhev (E. Poselyanin). Biographical sketch]. URL: <http://spb-eparh-vedomosti.ru/article.php?id=381> (accessed 8 August 2020) (in Russian).
9. Berdyayev N. A. Dukhovnyy krizis intelligentsii [Spiritual crisis of the intelligentsia: collection of articles]. Saint Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1910. Reprinted: 1998. 300 p. (in Russian).
10. Bukharkin P. Ye. Pravoslavnaya Tserkov' i svetskaya literatura v Novoye vremya: osnovnyye aspekty problemy [The Orthodox Church and secular literature in modern times: the main aspects of the problem]. *Khristianstvo i russkaya literatura. Sbornik vtoroy* [Christianity and Russian literature. The second collection]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 358 p. (in Russian).
11. Lyubomudrov A. M. Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya (B. K. Zaitsev, I. S. Shmelov). Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Spiritual realism in the literature of the Russian diaspora (B. K. Zaitsev, I. S. Shmelov). Abstract of thesis of doct. philol. sci.]. Saint Petersburg Publ., 2001. 37 p. (in Russian).
12. Quoted from: Poselyanin [Pogozhev] Ye. N. Russkiye podvizhniki 19-go veka [Russian ascetics of the 19th century]. Saint Petersburg, I. L. Tuzov Publ., 1910. 568 p. (in Russian).
13. Barakhov V. S. Iskustvo literaturnogo portreta [The art of literary portrait]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 183 p.
14. Mikhaylova M. V. Literaturnaya kritika: evolyutsiya zhanrovyykh form [Literary criticism: the evolution of genre forms]. Article. URL: <https://rucont.ru/efd/13007> (accessed 8 August 2020) (in Russian).
15. Zhivov V. M. Svyatost'. Kratkiy slovar' agiograficheskikh terminov [Holiness. A short dictionary of hagiographic terms]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1994. 112 p. (in Russian).
16. Ginzburg L. O psikhologicheskoy proze [About psychological prose]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1971. 464 p. (in Russian).
17. Grekova I. V. Evolyutsiya agiograficheskogo zhanra v funktsional'nom i stilisticheskoye aspekte. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Evolution of the hagiographic genre in functional and stylistic aspects. Abstract of thesis of cand. philol. sci.]. Biysk, 2014. 218 p. (in Russian).
18. Fedchenkov Veniamin Mitropolit. Bozhii lyudi. Moi dukhovnyye vstrechi [God's people. My spiritual encounters]. Moscow, Otchiy Dom Publ., 1998. 415 p. (in Russian).
19. Mitropolit Tikhon (Shevkunov). Nesvyatyte svyatyte [Unholy saints]. Edition of the Pskov-Pechersky Monastery Publ., 2019. 640 p. (in Russian).

Makarenko E. K., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: andre@tspu.edu.ru